

предоставлять им разные возможности. Вместе с тем, резонанс вызвали случаи поиска покемонов на кладбищах и мемориалах – сакральных для общества пространствах. Это говорит о том, что уровни пространства могут как дополнять, так и противоречить друг другу.

Трансформации социального пространства весьма сложно дать однозначную оценку. Да, оно становится более информативным и гибким, а получаемые данные позволяют успешно им управлять. Вместе с тем, появляются новые формы неравенства (в современной литературе называемые цифровым неравенством), приводящие к росту конфликтности в обществе, его сегментации, а также препятствующие равномерной адаптации и социализации индивидов. И, что не менее важно, побуждающие современников искать ответы на нетривиальные вопросы. Кто будет собирать и обрабатывать получаемые из социального пространства данные? Не сделает ли гиперподключенность еще более зависимым социальную реальность от функционирования технических систем? Является ли включенность в сеть индивида или наличие гаджета важнейшим условием его социального бытия? Таким образом, вместе с новыми возможностями, технологии, наносящие на социальное пространство новые границы, несут новые вызовы и угрозы.

Литература

1. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

СКЕПТИЦИЗМ И НИГИЛИЗМ В ЦЕННОСТНЫХ МАНИФЕСТАЦИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Костючков С.К.,

Херсонский государственный университет, г. Херсон, Украина

Важнейшей, без преувеличения, в условиях современности темой представляется вопрос о системе ценностей современной молодежи; его обсуждение требует не только социологического, политологического или культурологического, но, в более широком понимании – философского подхода. Тщательный социально-философский анализ указанного явления безусловно требует разьяснения его совокупной природы в зависимости от индивидуальных и общественных смысловых характеристик реальности. Данная тема значительно повышает свою актуальность как в национальных, так и в международных социально-политических контекстах. И это не столько дань политической моде или актуальной социальной проблемати-

ке, сколько отражение насущной потребности понять, чем характеризуются ценностные манифестации современной молодежи. Модернизация традиционных моделей социально-политических практик, осуществляемая как реакция на риски, запросы и вызовы глобализующегося мира, является сложным процессом, непредсказуемости которого экспоненциально возрастает. Мы полагаем, что «реальность стремительно изменяется, повышая собственную стохастичность и эвентуальность, она провоцирует проявления мощных контртенденций во всех сферах общественной жизни, дестабилизирует сформированные и упорядоченные системы, увеличивает количество интерпретационных сценариев и вариантов развития будущего. Усугубление социальной дифференциации трансформирует структурные интеракции в обществе, а также влияет на кардинальную ревизию ценностей как со стороны отдельного человека, так и в масштабе этнонациональных, культурных или религиозных общностей. Утвержденная в постмодерне финальность человеческого бытия подтверждается также его исторической детерминированностью – постмодернизм не отменяет деления времени на прошлое (потенциальное), настоящее (актуальное) и будущее (перпетуальное) – он изменяет степень их преобладания» [1, с. 104].

Система ценностных ориентаций определяет контент личностных интенций, отношение самой личности к себе, другим людям, а также окружающего мира во всем его разнообразии форм, проявлений и сущностей. Система ценностей является для индивида инициальным пунктом мотивации собственной социальной активности, основанием жизненной концепции и, вообще – философии жизни. Система ценностей является важнейшим компонентом политической и социальной жизни общества; благодаря ценностям человеческое существование выходит за рамки интересов и потребностей, за пределы того, что необходимо для жизни, того, что удобно, выгодно и эффективно в конкретный момент времени. Ценность определяется как высший экзистенциальный выбор человека, не имеющий количественной экспликации, как репрезентация доминирующих идентификационных моделей окружающего мира. Прогрессивное поступательное развитие социума в направлении, заданном интегрированной общественной интенцией, осуществляется индивидом – человеком, которого следует рассматривать не как элементарную структурную единицу общественного организма, но как индивидуальное воплощение общественной личности.

Сталкиваясь с реалиями окружающего мира, молодой человек делает для себя открытие: ценности могут оказаться фальшивыми, некоторые из них ведут к злу, а не к добру; идеалы оборачиваются эфемерными призраками, привлекательные образы оказываются бессодержательными симулякрами, за соблазнительными иллюзиями вырастают бесстрастные монстры разочарования. Однако отрицание и девальвация одних ценностей этиологично сопровождаются апроприацией и признанием иных: скептицизм и

нигилизм, имморализм и духовная аномия являются сущностно контрадикторными, в реалиях они базируются на том, что безусловно отрицают в теории. Профанируя общепринятые ценности, нигилисты и скептики, особенно из числа молодежи, решительно требуют их имплицитного признания, едва ли не сакрализации, когда речь идет о соблюдении их неотторжимых прав и законных интересов. Именно в этом заключается интрига двойного подтекста или, по выражению Николая Бердяева, «бес подмены». Традиционные ценности, а также обусловленные ими формы отношений в обществе уже не способны, по мнению нигилистов и скептиков, выполнять культуuroобразующие функции, они обречены либо на забвение, либо на коренную ревизию и сущностную трансформацию. Иного рода опасность заключается в чрезмерной рационализации бытийного пространства, которая провоцирует процессы отчуждения и самоотчуждения человека в нем.

Экспорт адвентивных, секуляризованных ценностей приводит к формированию таких личностных черт как отчужденность, одиночество, индифферентность, а далее – утрата смысла жизни, экзистенциальная опустошенность, тотальное разочарование. Среди молодежи утверждается маргинализация повседневной жизни, как результат интервенции в нее глубоко абстрактных моделей и систем. В подобной ситуации молодой человек зачастую не способен определиться не только с иерархией ценностей, но и с приоритетами аксиологического пространства вообще – человек сам помещает себя в парадоксальную дилемму: он хочет, чтобы его оставили в покое и наедине с собой, и в то же время опасается оказаться вне сферы внимания окружающих, замкнуться в сжатом пространстве прогрессирующей дисгениальности. Поиски выхода из подобной ситуации ориентируются по двум направлениям – либо через бегство от духовно опустошенной индивидуальной жизни в жизнь общества – рационально-внешнюю, или через стремление к иррационально-внутреннему посредством погружения в наркоманию, алкоголизм, игроманию. В отсутствие моральной регуляции поведенческих проявлений на фоне девальвации традиционных ценностей, побеждает тот, у кого в данный момент больше возможностей для принуждения, то есть – у кого больше силы, на того не распространяются ни закон, ни мораль, ни общественное мнение. На индивидуальном уровне отрицание каких бы то ни было моральных императивов в пользу субъективности трансформируется в абсолют иррациональности, в проявления насилия и даже террора.

В современном постиндустриальном, глобализированном мире индивид, который ориентируется на утилитарные, потребительские ценности, уже не в состоянии адекватно реагировать на вызовы и угрозы, продиктованные жесткими реалиями XXI столетия. На смену обществу потребления (*societe de consommation*) идет общество постутилитарное, в котором ценности традиционные сменяются духовными, адекватными модернизированной системе идеалов – представлений о том, какими должен

быть человек и мир, который его окружает. Меняется не только сформированный столетиями аксиологический ландшафт, претерпевает кардинальные изменения весь культурно-исторический контекст. Однако, подобный нарратив отражает скорее желаемый обществом идеал, нежели реальное состояние социальной системы.

Итак, современный мир порождает ситуацию, когда добро и зло, истина и ложь, прекрасное и безобразное уже не представляют собой четко фиксированные категории, а потому перестают для человека играть роль безусловных критериев оценки тех или иных поступков. Не только в государствах демократического транзита, но и в странах с многовековыми традициями народовластия, духовное пространство переживает определенный кризис – человек, особенно молодой, в обществе уже не чувствует себя защищенным и обеспеченным, он неуклонно погружается в пучину тотального хаоса, иррациональности и беспорядка, которые в интерпретациях отдельных политиков и политических партий представляются как необходимое условие общественного прогресса. Практика социальных отношений в современных условиях характеризуется широким практическим применением концепции аппроксимации, смысл которой в симплификации (упрощении) труднопонимаемого, контаминированного, в ориентации на минимизацию затрат, в частности, в культурной сфере.

Литература

1. Kostyuchkov S.K. Different human images and anthropological colissions of post-modernism epoch: biophilosophical interpretation (Різні образи людини та антропологічні колізії епохи постмодерну: біофілософська інтерпретація) / S.K. Kostyuchkov // Anthropological measurements of philosophical research. – 2018. – № 13. – P. 100–111.

ПРОБЛЕМА ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Лещинская И.И., Кононова Е.И.,
БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Интенсивность и содержательное многообразие информационных потоков и чрезвычайно высокая степень их влияния на различные сферы общественной жизни, привели к целому ряду острых проблем. Сетевая коммуникация и утвердившийся в ней набор дискурсивных практик настоятельно потребовали трансформации образовательной парадигмы. «Информационное общество, – как отмечают исследователи, – меняет онтологию образования, т. к. меняется пространство (топос) и время жизненного мира (темпоральность) человека. В информационном обществе наблюдаются пе-